

Детектив к Осени

МОСКВА

великолепные
ДЕТЕКТИВНЫЕ
истории

Александр Рыжов
Что-нибудь, кроме дождя

●
Татьяна Устинова
Дверь в лето

●
Елена Логунова
Отпад небесной выси

●
Алекс Винтер
Пернатый Зорро

●
Александра Райт
Шепот листьев

●
Альбина Нури
Черная «Волга»

●
Евгения Михайлова
Наследство

●
Галина Романова
Осенний переполох

Детектив к сени

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д38

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *Д. Сазонов*

Детектив к осени : сборник рассказов. —
Д38 Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-225090-3

Осень — это время, когда природа погружается в теплые оттенки золота и багрянца, а воздух наполняется пряным ароматом опавших листьев. Этот сезон ассоциируется с умиротворенной задумчивостью и загадочными происшествиями. «Детектив к осени» приглашает читателя в мир тайн и интриг, разворачивающихся на фоне яркого сентября, мистического октября и пронзительного ноября. В сборник вошли увлекательные истории, действие которых идеально вписывается в осеннюю атмосферу. Эти рассказы обещают стать хорошими спутниками для уютных вечеров с пледом и чашкой горячего чая!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025
ISBN 978-5-04-225090-3

• СОДЕРЖАНИЕ •

Александр Рыжов
ЧТО-НИБУДЬ, КРОМЕ ДОЖДЯ

7

Татьяна Устинова
ДВЕРЬ В ЛЕТО

68

Елена Логунова
ОТПАД НЕБЕСНОЙ ВЫСИ

72

Алекс Винтер
ПЕРНАТЫЙ ЗОРРО

120

Александра Райт
ШЕПОТ ЛИСТЬЕВ

159

Альбина Нури
ЧЕРНАЯ «ВОЛГА»

205

Евгения Михайлова
НАСЛЕДСТВО

224

Галина Романова
ОСЕННИЙ ПЕРЕПОЛОХ

277

АЛЕКСАНДР РЫЖОВ

• ЧТО-НИБУДЬ, КРОМЕ ДОЖДЯ •

лучилось это глубокой осенью. Погода стояла неприятная, стылая, в Ленинграде уже и снег раза два выпал, но быстро стаял, образовав грязные лужи, отнюдь не вязавшиеся с величественной эстетикой города. Женщины все чаще надевали модные в конце семидесятых шапки с длинными, ниже плеч ушами и пальто в клеточку, а мужчины еще храбрились, ходили в плащах и куртках, под которыми у многих стыдливо скрывались теплые вязаные свитера.

И вот в эту промозглую, нагонявшую уныние пору группа подпольных рок-музыкантов отправилась на гастроли в соседнюю Псковскую область — тайно, без официальных разрешений и согласований с властями. Просто у набиравшего популярность ленинградского рокера, известного под творческим псевдонимом Мигель, периодически появлялись то

тут, то там новые знакомые, которые организовывали ему и его собратьям квартирные концерты. Иногда за выступление можно было заработать рублей шестьдесят-семьдесят, что по тогдашним меркам являлось приличной суммой.

Получив приглашение из псковского городка Гдова, Мигель оповестил своих приятелей, и из них составила делегация. Помимо главной звезды, в нее вошли бесшабашный панк по кличке Хряк и двое пока еще малоизвестных, но считавшихся весьма талантливыми рок-исполнителей. Одним из них был Шура Давыденко, в миру работник жилищной конторы, а по призванию — ярый поборник регги и новой волны. Компанию ему и остальным составила Анка, студентка Института инженеров водного транспорта, которая в свободное время назло соседям по коммуналке сочиняла психоделические баллады.

Ради гастрольной поездки, чтобы не ловить попутки и не грузиться в них с гитарами и батареей пивных бутылок, Шура Давыденко позаимствовал на работе служебный микроавтобус. Это был надежный польский агрегат, производившийся в городе Ныса и получивший в советском обиходе прозвище «Нюська».

Его очень любили в СССР и закупали тысячными партиями.

Жэковская «Нюська» числилась в ремонте, но Шура благодаря своим связям устроил так, что ремонт завершился на трое суток раньше оговоренного с начальством срока. На эти дни автобус, по бумагам стоявший в автомастерской, перешел в хозяйственные Шурины руки.

Всей четверкой скинулись на бензин. В начале 1978 года автомобильная горючка в стране подорожала в два раза, но и по новым ценам выходило терпимо: литр семьдесят шестого стоил пятнадцать копеек. По трассе расстояние между Ленинградом и Гдовом составляло около двухсот тридцати километров, но Шура заверил, что знает более прямую дорогу, которая позволит сократить путь километров на тридцать.

Съездили чудесно. Четыре квартирника прошли на подъеме, каждый из музыкантов старался в меру сил и дарования. Анка опасалась, что в провинциальном городке, где народу проживает всего тысяч пять, любителей рока не найдется совсем, но Мигель знал, на что подписывался. Публики всякий раз набиралось человек по двадцать — для квартирников показатель более чем достойный. Как потом сообщил компаньонам Мигель, присутство-

вали не только местные, но и приезжие из других городов и весей Псковщины. Люди приобщались к современной культуре, и гастролеров это радовало. Выручку они собрали солидную: вышло по полтиннику на человека, и это уже с вычтенными расходами на еду, выпивку и топливо для «Нюьски». Почти половина Анкиной институтской стипендии.

Мигель лабал забористые рок-н-роллы, Шура Давыденко удивлял аудиторию карибскими ритмами в стиле Боба Марли, а дикарский вокал Хряка перемежался и контрастировал с лиричным пением Анки. Словом, коллектив звучал разнопланово, что пошло концертам только на пользу.

Обратно выехали воскресным вечером. Шура надеялся к ночи добраться до Ленинграда, на следующее утро встать пораньше, отмыть микроавтобус от дорожной грязи и пригнать его в жилконтору как будто прямоком из мастерской.

Поначалу все шло нормально, но уже на территории родной Ленинградской области, в Сланцевском районе, они сбились с пути. Дороги здесь, как писал когда-то Гоголь, расползались, словно раки, высыпанные из мешка. В темноте

10 Шура быстро дезориентировался, его хваленое

знание коротких путей не сработало, «Нюську» занесло сначала в Козью Гору, а потом населенные пункты закончились, вокруг мелькали исключительно леса и покосившиеся столбы.

Напрыгавшись по ухабам, микроавтобус заглох. Окрест царила темень, хоть глаз выколи. Небо затянуло тучами, не видно было ни луны, ни созвездий, и вдобавок оттуда, из провисших облачных брюх, сыпался мелкий секущий дождь.

— Твою за ногу, — меланхолично выговорил Хряк, выглянув из автобуса. — Придется до утра куковать.

— Хорошо, если до утра, — уточнил Шура со свойственной ему педантичностью. — Еще неизвестно, что с мотором.

Заниматься ремонтом в непроглядном мраке не представлялось возможным. Нечего было и рассчитывать на то, что кто-то поедет мимо и поможет. Местность, судя по всему, была необжитой, сквозь просветы в наполовину облетевших деревьях не проглядывало ни единого огонька, который мог бы свидетельствовать о близости жилья.

— И где мы? — уныло промолвила Анка, взирая из автобуса на дождевые струйки, бжевшие по стеклам.

— Да кто ж его знает, — изрек Мигель. — В этой самой... Короче, очень глубоко. — И обратился к Шуру: — Ты куда нас завез, Сусанин?

Шура пожал плечами. Он был отличный парень и музыкант первостатейный, но с топографией не дружил. Только тут до всех дошло, какого дурака они сваяли, доверившись его лоцманскому чутью. Но назад не отыграешь, следовало думать о том, как скоротать время до утра.

На худой конец, можно было переночевать в автобусе. Спать на сиденьях неудобно, зато есть защита от дождя и ветра.

— Как рассветет, осмотримся, — вслух рассуждал Мигель. — Мы же не в тайге, должны быть поблизости какие-нибудь деревухи. Попросим в совхозе трактор, вытащим нашего бегемота из болота, загоним в МТС...

— Меня на работе убьют, — пожаловался Шура. — Узнают, что я «Нюську» без спроса взял, да еще и сломал... Хоть совсем в город не возвращайся.

— Это не ты ее сломал, это она сама сломалась, — философски заметил Хряк. — Если что, вали все на автомастерскую. Халтурщики, починили тяп-ляп. Ты ее после ремонта обкатать решил, а она опять кирдыкнулась.

— Ничего себе обкатать! А в тмутаракань меня ветром занесло или как?

Не нравился Шуре такой расклад. Он, кровь из носу, хотел попасть в Ленинград до начала утренней смены. И желательно с исправным автобусом.

— Что ты предлагаешь? — спросила Анка. — Идти сейчас? В потемках, под дождем?

Шура понимал, что он в меньшинстве, и глядел просительно, чуть не со слезой.

— Я могу и один сходить. Вдруг деревня за поворотом? Там, кстати, и едой разживемся, а то у нас только грамм двести ливерной на четыре рта.

Это был удачный прием. При упоминании о еде Хряк завозился, загремели пустые бутылки, сложенные в авоську у него под ногами. Бутылок было пятнадцать штук, Хряк бережно складировал их в автобусе, надеясь сдать после приезда домой. Можно было не волочь их за тридевять земель и сдать в Гдове, но по правилам каждую бутылку полагалось тщательно вымыть, выскоблить ершиком и счистить с нее этикетку. Хряк планировал заняться этим уже у себя на квартире. Пятнадцать бутылок по двенадцать копеек — итого рубль восемьдесят. Целое состояние!

— Пожрать бы я не отказался, — пробормотал Хряк. — Глядишь, и самогоном бы затарились. У трудового крестьянства всегда что-нибудь для сугрева есть.

— У тебя одно на уме, — вздохнул Мигель и поежился. — Но я бы тоже от согревающего не отказался.

В результате решили разделиться: Шура с Хряком, вооружившись фонариком на круглых, а правильнее сказать цилиндрических, батарейках, отправились в разведку. Мигель и Анка сторожили автобус и обеспечивали приятелям подсветку фарами, чтобы у них было подобие маяка.

Мигель взял гитару и стал наигрывать что-то печальное под барабанную дробь капель, стучавших о крышу автобуса. Анка достала из кармана блокнот, огрызок карандаша и в тусклом свете лампочки, горевшей в салоне, принялась сочинять текст о том, что все плохо и будет еще хуже.

Творческий процесс был в самом разгаре, когда распахнулась дверь, и в «Нюську» впихнулись вымокшие до нитки Хряк и Шура. Помимо холода и сырости они принесли с собой любопытные вести. Им удалось пройти по раскисшей дороге около километра. Ни дере-